

Анатолий ЗЯБРЕВ

Заметки каждого дня

Герои вне времени

Пришли мне поздравления в связи с юбилеем в Великой Отечественной войне, 75 лет Победы.

От губернатора.

«Уважаемый Анатолий Ефимович! Поздравляю Вас с 75-летием Великой Победы!»

Беспримерный подвиг защитников Родины, фронтовиков и тружеников тыла, навеки останется высшим проявлением мужества и патриотизма. Благодарные потомки всегда будут гордиться величием духа, силой и стойкостью героев-победителей. Этот праздник живёт в сердце нашего народа, объединяет поколения и вдохновляет на новые свершения во имя России.

Желаем Вам мира, здоровья, добра и благополучия! С праздником! С юбилеем Победы!

Губернатор Красноярского края
А. В. Усс».

От Хазрета Меджидовича Совмена.

«Уважаемый Анатолий Ефимович! 75 лет Великой Победы — юбилей Великой Подвиги, совершенного мужеством, силой духа настоящих героев, каждый из которых — на вес золота!»

Ваша судьба, «вплетённая» в легендарную историю поколения победителей, — это бесценный вклад в триумфальный финал Великой Отечественной войны. Ведь именно народы Советского Союза и лично Вы освободили мир от фашистской чумы.

Убеждён, что Вы, как и каждый, кто сражался за Родину, — это герой без срока давности, герой вне времени. Ведь память и преклонение перед Вашим героизмом всегда будут жить в наших сердцах, объединяя целые поколения россиян!

Спасибо Вам за мир, за возможность мечтать, строить планы, за будущее, которое есть у наших детей, внуков и правнуков!

Великая слава героям и низкий Вам поклон!

Вы — гордость нашей страны!

Вы — самые главные люди на планете!

*С уважением, Ваш земляк
Хазрет Меджидович Совмен.
Май 2020 года».*

Опередим все страны

Позвонил мне постоянный читатель Силинский А. С., ветеран Великой Отечественной войны, в звании сержанта участвовавший и на Западе с 1943 года, и на Востоке в 1945-м с японцами, и сказал, что красноярцы намерились опередить все страны по к-вирусу.

Я этого не понял. А когда он пояснил, то

И я, как обычно, взорвусь, потому что вставать с постели позднее семи ни одной минутой нельзя, ну никак нельзя, потому что намеченные дела никак не пойдут, ну никак не пойдут, так считаю я.

Тамара Фёдоровна любит делать по-своему, у неё какая-то своя примета: вставать после восьми, а то и после девяти. Хотя это оправданно. Ведь ложится она и засыпает после двух часов ночи.

А в эту ночь у меня был сон. Будто плавал я в океане, меня проглотила большая рыбина, и я стал жить внутри этой рыбины, а Тамара Фёдоровна снаружи. Так приснилось. Лежу, думаю.

По поводу чего плясать?

Группа хороших писателей (в том числе и профессор Замышляев) создала печатный труд под названием «Пляшите, танцуйте» и пустила его массовым тиражом по свету.

Я как всегда, необразованный, ничего не понял. По поводу чего плясать-то? По поводу того, что к-вирус плотнее и шире распространяется по краю?

Спешим в деревню открывать дачный сезон. В деревне прибавится к вирусу ещё и энцефалитный клещ. Совсем станет весело. Плясать мне предлагают.

Вот исключат из Союза...

Скромное моё жильё, в котором я обитаю, не приватизировано, остаётся ничьим, то есть государственным.

Членский билет Союза писателей России дал мне когда-то право на поселение в этой квартире. Вот так-то: не удостоверение участника войны, не то, что строил Красноярскую ГЭС, а то, что имею удостоверение члена Союза писателей.

Все взрослые, что со мной тут на квадратных метрах обитают, не имеют такого права, в том числе и Тамара Фёдоровна, она не член Союза писателей.

Вот не понравятся мои дальнейшие заметки Павловскому, он пожалуется моим коллегам, в частности — профессору Замышляеву, коллеги исключат меня из своего Союза, и государство одним махом шурнёт меня куда-то подальше. Вот такие реальные мысли...

Из книги «Енисейские тетради»

Я — начальник

Я — звеньевой. В моём звене четверо: Федя Козлухин, Володя Сироткин, Володя Малов и Павел Кепкин. Мы трелем лес.

Зиновьевич с подчеркнутой серьёзностью говорит:

— Если такими темпами пойдёшь дальше, тебе больше толк выйдет.

Володя Малов. Гибкий, костлявый, проворный. Он из посёлка Пеструки, что в степном Приишимье, работал крендельщиком в пекарне, а пекарня там знаменитая, булки и кренделя из неё возят даже в соседний город Голышманово, потом строил уральское село Приютово. Кто бы что ни рассказывал, он обязательно становится в пол-оборота и перебивает:

— Ой, фантазия!

— Дай мне руль, дай, — лезет он к Зорину, нервному тридцатилетнему трактористу.

— Отойди, — отталкивает Зорин. — Молоко на губах.

Малов не сердится, узкие глаза его делаются ещё уже от расползшейся по круглому лицу улыбки.

— Ой, фантазия! — восклицает он. — В Приютово у нас не то ещё было, там мы дома строили в три этажа. А котлованы во-о какие рыли бульдозером!

Малов по утрам, до рассвета, уходит с переломкой в горы и возвращается к завтраку пустым, тогда как Кеша Желтов приносит с охоты то глухаря, то рябчика, то тетерева. Малов ставит на пень консервную банку, отходит на семьдесят шагов, без промаха расстреливает её и краснеет, когда Женька хвалит:

— Ты молодец, Володя. Молодец!

Володя Сироткин. Розовощёкий, гладкий и всё поёт:

— Дроля мой, дроля мой,

Не води меня домой,

Не води меня домой,

А веди на пашню.

— Почему именно на пашню? — спрашивают его.

— А я почём знаю? — уклоняется Сироткин.

Он три навигации плавал по Енисею на пассажирском пароходе кочегаром и теперь, как услышит тупой гудок над рекой, тоскливо вздыхает:

— Вон он, пошё-ёл!

— А ты бы и оставался там работать, — говорят ему.

— Надоело. Там рубаха от пота преет. Надоело, а манит. Законно!

В перекурах рассказывает, как отец его служил у Колчака, потом убежал к красным.

— Трое суток бежал. Законно! К одной старухе заскочил, спрятался. Беляки — в деревню. За ним. Вот-вот схватят. А у старухи как раз сын командовал красным отрядом. Старуха сбегала за сыном в лес, и ночью всех до единого перекошили беляков. Если бы он у меня в эту войну, вот что с немцами, не погиб, мы бы с ним э-эх как зажили!

Сироткин то грустный и задумчивый, то начинает хохотать и над кем-либо подтрунивать, чаще над Кешей. Кеша, сам любящий над всеми подтрунивать, краснеет и, смущённый, молчит, признавая над собой власть Сироткина.

— Эй, Афонька! Или как тебя? Гаврило! —

профессия, если ты хочешь знать. Гвоздь в доме не гость.

Козлухин заочно учится в строительном техникуме, на работу приходит с конспектами, однако при всём этом, как только ударит гром, он трижды перекувыркивается через голову.

— У нас бабка всегда так делала, когда живая была. Чтобы спина не болела, — объясняет он.

И мы не поймём, шутит ли он или на самом деле суеверен.

Павел Кепкин. Низенький, в галифе, в солдатской фуражке артиллериста, худощавый, с острым небритым подбородком, с глубоко сидящими чёрными глазами. Он приходит на работу усталый, работает с лентой, и мы знаем почему: строит себе в Шумихе барачок на горном склоне, куда в будущем подойдёт водохранилище.

Ему обещали квартиру, а он:

— Что за жизнь в казённой? Кур нельзя держать, свиней нельзя, ничего нельзя! К тому же тут у меня море будет под крыльцом. Рыбы — во!

Кепкин — молчун. Поджавивая бревно, вдруг останавливается, опирается на вагу и что-то подсчитывает в уме, шелестя губами.

— Ты, Пашка-артиллерист, — зовёт его Малов. — Комар летит, бей прямой наводкой.

На другой день все члены моего звена вдру взбунтовались.

— Не пойдём на трелёвку! Пускай сегодня другие идут. Попеременно надо.

Женька вопросительно смотрит на каждого из нас, скребёт затылок и не возражает.

— Бери вот этого парня и ступай. Вдвоём бдете, — говорит мне Женька, указав на Симу.

— А почему именно я? — протестует Сим, остановив на бригадире свои пёстрые глаза.

— А потому что... потому! — Женька ходит, давая понять, что всякие возражения бесполезны.

— Скажи на милость, — кривится Сим, смиряясь. — Именно вот я ему должен...

Кстати, в письме, полученном вчера, снова манит Симу домой в Крым:

«...Автомастерскую, о которой я тебе общал раньше, построили уже, она рядом туристским лагерем. Слесарей набирают. езжай, если что. Слышал я, что в Сибири там не так уж всё хорошо, как пишут в газете, дома, считаю, лучше будет».

Трелевать толстые хлысты — хорошо. цепил штук восемь-десять за вершины, тащит их трактор. Но трелевать мелочь — дрянь.

Набросаешь под гору ворох хлыстов, зачекеруешь, трактор дёрнет — чекер с Прицепишь заново, трос натянется — и ли ломаться вершины. Опять почти все остаётся на земле. Оттого и взбунтовали вчерашние помощники.

— Ничего, — одобряет тракторист. — На его дёрном, не то загорелом, не то

А. В. Усс».

От Хазрета Меджидовича Совмена.

«Уважаемый Анатолий Ефимович!

75 лет Великой Победы — юбилей Великого Подвига, совершённого мужеством, силой духа настоящих героев, каждый из которых — на вес золота!

Ваша судьба, «вплетённая» в легендарную историю поколения победителей, — это бесценный вклад в триумфальный финал Великой Отечественной войны. Ведь именно народы Советского Союза и лично Вы освободили мир от фашистской чумы.

Убеждён, что Вы, как и каждый, кто сражался за Родину, — это герой без срока давности, герой вне времени. Ведь память и преклонение перед Вашим героизмом всегда будут жить в наших сердцах, объединяя целые поколения россиян!

Спасибо Вам за мир, за возможность мечтать, строить планы, за будущее, которое есть у наших детей, внуков и правнуков!

Великая слава героям и низкий Вам поклон!

Вы — гордость нашей страны!

Вы — самые главные люди на планете!

**С уважением, Ваш земляк
Хазрет Меджидович Совмен.
Май 2020 года».**

Опередим все страны

Позвонил мне постоянный читатель Силинский А. С., ветеран Великой Отечественной войны, в звании сержанта участвовавший и на Западе с 1943 года, и на Востоке в 1945-м с японцами, и сказал, что красноярцы намерились опередить все страны по к-вирусу.

Я ничего не понял. А когда он пояснил, то

понял. По поводу чего плясать-то? По поводу того, что к-вирус плотнее и шире распространяется по краю?

Спешим в деревню открывать дачный сезон. В деревне прибавится к вирусу ещё и энцефалитный клещ. Совсем станет весело. Плясать мне предлагают.

Вот исключат из Союза...

Скромное моё жильё, в котором я обитаю, не приватизировано, остаётся ничьим, то есть государственным.

Членский билет Союза писателей России дал мне когда-то право на поселение в этой квартире. Вот так-то: не удостоверение участника войны, не то, что строил Красноярскую ГЭС, а то, что имею удостоверение члена Союза писателей.

Все взрослые, что со мной тут на квадратных метрах обитают, не имеют такого права, в том числе и Тамара Фёдоровна, она не член Союза писателей.

Вот не понравятся мои дальнейшие заметки Павловскому, он пожалуется моим коллегам, в частности — профессору Замышляеву, коллеги исключат меня из своего Союза, и государство одним махом шурнёт меня куда-то подальше. Вот такие реальные мысли...

Из книги «Енисейские тетради»

Я — начальник

Я — звеньевой. В моём звене четверо: Федя Козлухин, Володя Сироткин, Володя Малов и Павел Кепкин. Мы трелюем лес.

Зиновьевич с подчёркнутой серьёзностью говорит:

— Если такими темпами пойдёшь дальше,

Малов по утрам, до переломкой в горы и воз пустым, тогда как Кеша Ж ты то глухаря, то рябчик ставит на пень консерв семьдесят шагов, без пр её и краснеет, когда Же

— Ты молодец, Воло

Володя Сироткин. Р и всё поёт:

— Дроля мой, дроля

Не води меня домой,

Не води меня домой,

А веди на пашню.

— Почему именно н вают его.

— А я почём знаю?

кин.

Он три навигации п пассажирском пароход как услышит тупой гудк вздыхает:

— Вон он, пошё-ёл!

— А ты бы и остав говорят ему.

— Надоело. Там руб доело, а манит. Законн

В перекурах рассказ жил у Колчака, потом у

— Трое суток беж старухе заскочил, сп

деревню. За ним. Вот-к как раз сын командов

Старуха сбегала за сын до единого перекосили

меня в эту войну, вот ч мы бы с ним э-эх как з

Сироткин то грустнь чинает хохотать и над н

чаще над Кешей. Кеша, подтрунивать, краснеет